

Анатомия психологического знания¹

Д.В. Ушаков (Институт психологии РАН)

Психологи нередко признают свою науку менее точной и определенной, чем «образцовые» дисциплины типа физики, ссылаясь при этом на большую сложность своего предмета. Будто бы даже А. Эйнштейн говорил Ж. Пиаже, что психология настолько сложнее физики, что он, Эйнштейн, в психологии, наверно, ничего бы не смог открыть. Ниже будет сделана попытка показать, каким образом сложность структуры предмета психологии влияет на особенности психологического знания и способы работы с ним.

Структура предмета психологии

Возьмем элементарный объект физики, который можно назвать «точечным». Это объект, который рассматривается как не обладающий внутренней структурой. Точечный объект действует в соответствии с определенными законами, которые относятся ко всем или большому классу объектов, различающихся лишь параметрами. Теннисный мяч и планета одинаково движутся под действием закона всемирного тяготения, однако различаются по такому параметру, как масса. Точечные объекты, конечно, не обладают структурой в качестве идеальных объектов мысли, соответствующие же им объекты реального мира структурой обладают, возможно, во всех случаях². Далее физика рассматривает объекты, состоящие из взаимодействующих точечных объектов, каковы, например, Солнечная система или идеальный газ. Для того чтобы их описать, могут требоваться очень сложные математические модели, ведь даже задача трех тел не имеет аналитического решения в общем случае. Тем не менее исследование таких объектов – один из «коньков» физики, которой во многих случаях удается добиться хорошего

¹ Работа выполнена при поддержке РФФ, грант № № 17-78-30035.

² Это справедливо, если следовать рассуждениям Лейбница или Канта о невозможности простых предметов. По мнению Канта, наличие простых предметов входит в одну из антиномий чистого разума.

соответствия экспериментальных данных и предсказаний математических моделей, описывающих внутрискруктурные взаимодействия.

Условием успешного описания такого рода объектов является относительная простота их поведения, а именно это поведение должно описываться небольшим числом переменных. Например, в модели идеального газа можно изменять две переменных – объем и температуру – и следить за тем, как изменяется третья – давление. Однако для объектов, которыми занимается психология, характерно чрезвычайное разнообразие поведения в разных ситуациях, или, другими словами, большое количество степеней свободы. Представим, что мы проводим эксперимент в целях определить устройство объекта с большим числом степеней свободы, а именно сложного автомата. Например, конкретизируем, что имеем дело с машиной Тьюринга, наблюдаем ее внешнее поведение, знаем даже внутреннее состояние и хотим вычислить заложенные в ней правила перехода³. Сделать это для неизвестной машины мы можем только методом полного перебора, скомбинировав все внутренние состояния со всеми возможными внешними стимулами. Если машина достаточно сложна, как хотя бы среднестатистический современный персональный компьютер с программным обеспечением, то задача становится трудновыполнимой. Если же еще и внутренние состояния машины нам полностью или частично неизвестны, то задача скорее всего превращается в невыполнимую.

Разнообразие же поведения человека можно оценить уже хотя бы на примере вербальной сферы. Из десятков тысяч слов родного языка можно образовать колоссальное множество текстов, которые люди способны понимать и сами генерировать.

³ Машина Тьюринга состоит из ленты и перемещающегося по этой ленте управляющего устройства, которое может считывать символы с ленты и вписывать вместо них новые. Это устройство имеет определенные внутренние состояния, а его поведение определяется матрицей правил, которая предписывает в случае считывания некоторого символа и пребывания при этом в соответствующем внутреннем состоянии совершить определенное действие.

Как возможно экспериментальное познание объектов такой сложности?

Ответ однозначен: необходимым условием являются предварительные знания об объекте.

Если нам известно, например, что испытываемая нами машина Тьюринга является калькулятором, т.е. способна правильно выполнять все арифметические операции, то тогда исследование ее устройства становится для нас уже вполне реальным.

Хотя научная психология нечасто признает, что ее достижения невозможны без жизненных знаний, все же, к счастью, про человека в обыденной жизни нам известно многое, и часто удается неплохо предсказывать и объяснять поведение людей. Только за счет этого знания и возможен научный подход к столь сложному объекту, как человек⁴. Рассмотрим основные источники этого знания.

Первый источник – предсказание поведения человека на основе его разумности, способности и склонности мыслить и действовать на основании понимания ситуации. Рассмотрим следующий пример. В ходе итальянской кампании А.В. Суворова в августе 1799 г. русско-австрийская армия столкнулась с примерно равной или чуть уступающей ей по силам французской, которая расположилась на очень выгодной для обороны возвышенности в районе города Нови. Суворов приказал атаковать левый фланг противника небольшими силами, чтобы выманить его на равнину. Молодой французский командующий генерал Жубер прискакал на левый фланг, отбил атаку, но был сражен пулей, перед смертью скомандовал: «Наступайте, все время наступайте!». Командование принял находившийся по случаю при армии генерал Моро, вероятно, второй после Бонапарта по таланту французский военачальник того времени. Он отменил приказ Жубера и вернул войска на исходные позиции. Суворов, по преданию, воскликнул: «Моро понимает меня-старика, а я радуюсь, что имею дело с умным

⁴ Фактически изложенное представляет собой разновидность «парадокса индукции» Серля: для сложных объектов индуктивное познание возможно только при наличии у познающего предварительного знания об этих объектах.

полководцем». Это, впрочем, не помешало ему в последующем упорном сражении разгромить французов.

Действия командиров в этом сражении понятны, поскольку мы понимаем задачи, которые они решали, и их рефлексивные рассуждения. Фактически это означает, что рациональный наблюдатель, понимающий ситуацию, может предсказать действия агента, в той или иной степени разбирающегося в этой ситуации. Полное понимание этой ситуации, как у Моро, характеризует агента как умного. В других случаях это понимание частичное, как у Жубера. Предвидя возможность частичного понимания, можно осуществить военную хитрость, заманив противника в ловушку. В этом смысле можно понять поведение умного человека, менее умного (как действующего на основании ограниченной ориентировки), но не умалишенного.

Понимание поведения людей в этой ситуации, как это ни кажется на первый взгляд странным, зависит от знания не психологии, а предмета деятельности. Понять смысл приказов Суворова или Моро способен скорее военачальник, чем психолог, потому что эти приказы следовали логике предмета. В этом смысле Я.А. Пономарев говорил о том, что психология не занимается содержанием мышления: в «железобетонном», по его выражению, мышлении лучше разбирается инженер-строитель, а не психолог. Оказывается, таким образом, что рациональное поведение людей хорошо известно из практики жизни, но само по себе не представляет интереса для научной психологии. Однако для психологии оно открывает огромное поле деятельности. В предмет научной психологии попадают все механизмы, которые обеспечивают познавательную деятельность, а также различные виды отклонения от рациональности (см., например: Пономарев, 2010; Современные исследования ..., 2015; Творчество ..., 2011; и др.). Психология познавательных процессов исходит из очень простых вещей, известных нам по опыту реальной жизни,— из того, что такое видеть, слышать, вспоминать, воображать, считать и т.д.

Второй большой источник жизненных знаний о психике – то, что можно назвать логикой чувств и желаний. Возьмем еще один маленький и почти случайный литературный пример. Речь идет о похожей на мальчика и застенчивой девушке-подростке м-ль Вентейль. «Когда [м-ль Вентейль] грубым своим голосом говорила, как она рада нас видеть, то чувствовалось, что застенчивая сестра внутри нее краснеет от этих слов нетактичного мальчугана: как бы мы не подумали, что она напрашивается к нам в гости!» (Пруст, 1992, с. 104).

В этом примере нет рациональной логики, а присутствует то, что может быть названо логикой чувств. Девушка говорит соседям любезную фразу, направленную на то, чтобы вызвать у них определенные положительные чувства. Однако после того как фраза произнесена, она понимает, что в ней может читаться другой смысл: навязывание своего общества людям, которым, может быть, это общество обременительно. То, что произнесенная ею фраза недостаточно тактична (недостаток такта скорее можно ожидать от мальчугана, чем от девушки), заставляет м-ль Вентейль смутиться, стараясь при этом не показать смущения – «застенчивая сестра внутри нее краснеет». Фраза м-ль Вентейль (как и вообще действия человека) имеет символический смысл, она была предназначена никак не для того, чтобы передать информацию о чувстве радости, которое девушка заметила в себе в определенный момент. Фраза направлена на то, чтобы представить положение вещей таким образом (один человек рад видеть других), который вызывает в слушающих определенные чувства (благодарность за хорошее расположение, ответные положительные чувства). Это и есть логика чувств, которая предполагает, что определенные ситуации закономерно порождают в людях соответствующие чувства.

Далее получается, что та же фраза может быть интерпретирована по-другому, поскольку сам факт изложения ситуации можно истолковать как просьбу: я рада вас видеть – предоставьте, пожалуйста, мне возможность радоваться, встречаясь с вами. Эту интерпретацию м-ль Вентейль осознает только после

того, как фраза сказана. Девушке начинает казаться, что она предстала в неблагоприятном свете перед окружающими. Эта ситуация по той же логике чувств вызывает у нее смущение.

Логика чувств представляет собой, по-видимому, сильно недооцененный научной психологией предмет исследования. Вероятно, это связано с большой интуитивной понятностью этой логики, не вызывающей желания пространно пересказывать то, что понятно само собой людям с развитыми чувствами, или, пользуясь более научной терминологией, эмоциональным интеллектom. Между тем логика чувств представляет собой мощную систему, которая многое определяет в реальном поведении человека. Чувства порождаются прототипическими ситуациями, а комбинирование этих ситуаций приводит к сложным чувствам, в которых в зависимости от личностных особенностей человека возобладает одна или другая сторона. Различие видения людьми ситуаций, а также различная выраженность чувств внутри их сложных сочетаний определяют различия поведения как индивидуумов, так и групп.

В совокупности рациональность и логика чувств и желаний образуют основу как наших жизненных знаний о людях, отраженных богатой психологической семантикой естественных языков, так и психологическую основу истории и литературы. Так, региональную политику Цезаря мы, следуя за Моммзенom, можем объяснить глубоким проникновением в суть устройства Римского государства, т.е. в терминах рациональности, а его согласие идти на уступки во втором триумvirате – личным благородством, т.е. исходя из сферы чувств⁵.

О художественной литературе иногда говорят, что в ней больше психологии, чем в научной психологии. Это утверждение можно расценить как частично справедливое, если учесть, что в литературе, как, например, в приведенном выше эпизоде, большое место занимает логика чувств, а в научной

⁵ Ср.: «[Историк] занимается только теми событиями, которые представляют собой внешние выражения мысли, и только в той мере, в какой они выражают мысли. В сущности он занят только мыслями; их внешние выражения – события – занимают его лишь постольку, поскольку они раскрывают перед ним мысли, являющиеся предметом его научного поиска» (Коллингвуд, 1980, с. 207).

психологии она, напротив, оказывается вне пределов исследования. Так, понятия научной психологии не позволяют нам разобраться, например, в приведенном выше эпизоде из романа Пруста. При этом, конечно, наука разработала такие области психологии, до которых литературе совершенно нет дела, например, модели запоминания бессмысленных слогов. Пафос приведенного выше утверждения заключается в том, что сведения о психологии людей в литературе более жизненны, чем в сухой науке. Это в определенной мере справедливо, но не означает недостаточной полезности научной психологии для жизни.

Особой сферой практики, где востребовано систематическое понимание двух указанных сортов опыта, является психотерапия.

Третий источник жизненных знаний о психике может быть назван случайными жизненными наблюдениями. Поясним и это примером. По известной легенде, К. Левин отметил, что в берлинских кафе официанты хорошо помнят еще не выполненные заказы, но легко забывают те, что уже выполнены. На этом основании его аспирантка Б.В. Зейгарник провела знаменитый эксперимент, в котором был документирован феномен, связанный с забыванием намерений. В данном случае неважно, действительно ли Левин сделал эти наблюдения в кафе, но трудно представить, что этот феномен не был взят из жизненного опыта. Ведь во всех случаях вряд ли эксперимент Зейгарник был построен без предварительной гипотезы, а ее не могло подсказать что-то уже существовавшее к тому времени в науке.

Этот третий источник знаний в отличие от первых двух не характеризует каких-то обязательных свойств людей. Без характеристик первых двух родов, т.е. без ума и без чувства, мы, в сущности, не опознаем человека в качестве человека. Сумасшедшим признается тот, кто имеет отклонения по этим характеристикам. Однако характеристики третьего рода для нас не только необязательны – мы даже удивляемся им, когда с ними в первый раз сталкиваемся. И, обнаружив у человека отсутствие эффекта Зейгарник, мы

точно уж не будем на этом основании признавать его сумасшедшим. Эти характеристики относятся к каким-то своего рода швам, стыкующим основные части поведения человека, швам, которые природа постаралась по возможности скрыть.

Третий источник присутствует и в художественной литературе, где рассыпаны наблюдения писателей над жизнью. Но еще более систематически он представлен в религиозной литературе, где можно встретить развернутые, тонкие и точные описания, например, искушения. А вот в исторических описаниях он составляет скорее побочный продукт.

Итак, три источника дают нам до всякого научного знания ориентировку в поведении человека, и именно они позволяют ученым-психологам выдвигать разумные гипотезы об их объекте.

Первичное формирование феноменологии научной психологии

Психологам-экспериментаторам со времен Г. Эббингауза и Л. Фехнера удавалось как бы вырывать некоторые пласты явлений, известных нам в реальности, и делать их предметом научного исследования. Этот процесс заслуживает особого рассмотрения.

Прежде всего, можно предположить, что ученые, принадлежа к определенному историко-культурному контексту, обращают внимание на специфические явления, оставляя без внимания другие. Это обстоятельство стало предметом обсуждения в социальной психологии. Например, С. Московичи, обосновывая необходимость самостоятельных путей развития европейской социальной психологии, писал: «...Истинные достижения американской социальной психологии заключались ... в том, что в качестве предмета исследования и объекта ее теорий были взяты проблемы *ее собственного общества*. Ее достижениями явились как ее методы и средства, так и формулирование проблем американского общества в социально-психологических терминах и их рассмотрение в качестве объекта научного исследования» (Московиси, 1984, с. 210).

Фактически в процитированном фрагменте Московичи рассуждает как раз о том, что психологи переносят в научный план проблемы окружающей их действительности. Речь идет о том, что эти проблемы (или явления) должны быть вначале названы, т.е. переведены в систему понятий, с которыми и происходит дальнейшая научная работа⁶.

Система понятий на том или другом этапе психологической проработки соотносится с экспериментальными моделями, после чего становится возможным развертывание доказательной исследовательской работы.

Механизмы перевода явлений, отмечаемых в повседневной действительности, в научный план достаточно многообразны. Так, если вспомнить упоминавшийся пример К. Левина, то можно заключить, что в ряде случаев экспериментатор ухватывает в действительности готовую закономерность⁷. Для того чтобы превратить эту гипотетическую закономерность в научно обоснованную, экспериментатор затем воспроизводит ее в контролируемых условиях, например, в лабораторном эксперименте⁸.

Однако в других случаях экспериментаторы стремятся создать как бы поле для проявления закономерностей, не определяя заранее их конкретный вид. Например, вероятно, Эббингауз, зная из жизненного опыта о феномене забывания, не имел заранее ясного представления о виде кривой забывания, а в эксперименте создал условия, чтобы характер этой кривой проявился. Из действительности должен был быть выхвачен сам замысел изучить процессы

⁶ Безусловно, играют роль и личностные особенности, и интересы ученых. В этом плане шутка о том, что в психологии каждый занимается тем, чего ему не хватает, не лишена смысла.

⁷ Интересно при этом, в какой степени усмотрение некоторой закономерности в повседневной действительности подготовлено теоретическими взглядами ученого. Во всяком случае у К. Левина эффект запоминания незавершенного действия хорошо укладывался в его общую теорию поля применительно к личностной проблематике. В то же время этот феномен получает хорошую интерпретацию и помимо психологии поля.

⁸ Хороший экспериментатор в этом смысле должен заранее, из опыта жизни обладать «имплицитной теорией» объекта, с которым он работает. Возможно, его эксплицитная теория никогда не достигает уровня имплицитной теории. Так, почему-то эксперименты, изобретенные Ж. Пиаже, имели тенденцию совпадать с предсказаниями его эксплицитной теории, в то время как другие исследователи нашли немало несоответствий. Не в том ли дело, что имплицитная теория, на основании которой Пиаже строил свои эксперименты, но которую никогда в полной мере не смог прояснить, была точнее его эксплицитно сформулированных утверждений? Возможно, впрочем, и более прозаичное объяснение: результаты, не совпадавшие с теорией, у Пиаже были, но не публиковались.

заучивания и забывания. Такой подход преобладал на ранних стадиях развития экспериментальной психологии. Сегодня такого рода заходы выглядят в значительной мере исчерпанными, поэтому исследователи, вносящие в науку новую феноменологию, обычно уже имеют в виду определенную гипотезу перед проведением эксперимента.

В некоторых случаях, вероятно, феномен выступает побочным продуктом. Возможно, например, что Эббингауз проводил свой эксперимент в целях установить кривую забывания, а позиционную кривую обнаружил неожиданно, как побочный продукт. В ряде случаев открытие новых феноменов в психологии в качестве побочного продукта точно документировано: так, например, было с фи-движением у М. Вертгаймера. Таким образом, работа психологов по первичному схватыванию закономерностей в этом плане оказывается подобна работе лингвистов, которые эксплицируют закономерности, которые уже имплицитно содержатся в употребляемом людьми языке. Однако если у лингвистов дальнейшая верификация этих закономерностей происходит на материале того же реально употребляемого языка, то психологи часто воспроизводят эти закономерности в экспериментальной реальности (см.: Процедуры и методы ..., 2016; Современная экспериментальная ..., 2011; и др.).

Формирование объяснительных моделей и «вторичной феноменологии»

Выявление закономерностей, которым подчиняется поведение человека в разных ситуациях, дополняется поиском объяснительных моделей для этих закономерностей. Так, получив позиционную кривую воспроизведения в памяти, необходимо предложить объяснение ей, что делается, например, путем введения предположений о блоках кратковременной и долговременной памяти и т.д. Таким образом, обнаруженные в исследованиях закономерности поведения объясняются внутренними структурами, или конструктами.

Эти внутренние структуры ненаблюдаемы: например, о существовании кратковременной или долговременной памяти мы заключаем на основании поведения испытуемых, а не путем непосредственного наблюдения или исследования субстрата⁹. Про ту же кратковременную память в настоящее время трудно определить, с одним или многими областями головного мозга она связана, какими нейронами реализуется и т.д. Однако это ничуть не убавляет значимость этого и ему подобных понятий, без которых объяснение, предсказание и т.д. экспериментальных данных было бы невозможным (см.: Междисциплинарные исследования памяти, 2009; и др.). Затем уже эти понятия могут быть связаны с нейрофизиологическим субстратом, социальными условиями развития и т.д.¹⁰ Обнаружение такой связи имело бы очень большое значение, поскольку ее отсутствие увеличивает степень произвольности конструкторов, создаваемых психологами. Бурное развитие нейрофизиологии дает надежды на поддержку объяснительных моделей психологов, однако не менее важной представляется и обратная связь – наличие психологических моделей поведения, которые позволяют понимать нейрофизиологические данные¹¹. Таким образом, можно зафиксировать, что психология выявляет эмпирические закономерности поведения людей и объясняет их с помощью конструкторов, которые в минимальной степени опираются на внешние, помимо целей объяснения поведения, соображения и данные.

⁹ В самом принципе объяснения психология поступает примерно так, как и физика. Однако в физических системах поведение составляющих их элементов если не всегда фактически изучено, то должно быть описано хотя бы правдоподобно. Устройство газа как множества свободно перемещающихся частиц обосновывается соображениями, выходящими за рамки свойств газов, в частности путем реального наблюдения молекул.

¹⁰ Ж. Пиаже в известной и переведенной на русский язык статье противопоставляет «абстрактное» сведение (т.е. объяснение эмпирически установленных закономерностей через гипотетические структуры, существование которых никаким иным путем не удостоверяется) «физиологическому», «социальному» и т.д. сведениям (Пиаже, 1966). Представляется, однако, что для современной психологии непосредственное объяснение выявленных закономерностей поведения через физиологию или социальные взаимодействия нехарактерно. Такое объяснение происходит только через опосредствующее звено в виде гипотетических процессов и механизмов, которыми занимается психология.

¹¹ В этом плане характерно развитие нейроэкономики, которая воспользовалась моделями из экономической психологии в исследованиях с применением техник нейровизуализации. Однако и понимание функционирования интенсивно изучаемого сегодня коннектома головного мозга вряд ли возможно без моделей тех функций, которые коннектом реализует, т.е. без психологических моделей.

Поскольку модель по определению обладает большей степенью общности, чем закономерность, эта модель позволяет предсказать новые закономерности, которые могут подвергаться проверке. Принципиально важный момент заключается в том, что применение объяснительных моделей запускает процессы их верификации (или фальсификации, если следовать К. Попперу), задавая тем самым новый способ работы с эмпирией. Эти процессы предполагают выдвижение новых гипотез, вытекающих из моделей, и их эмпирическую проверку. В результате происходит установление нового круга эмпирических закономерностей, которые мы называем вторичными в том смысле, что они не непосредственно «подсмотрены» у действительности, а выведены в контексте движения внутри научных понятий. Так, например, если феномен удержания в памяти незавершенного действия может быть отнесен к первичной феноменологии, то проведенные Ю. Кулем на его основе исследования ориентация на действие или состояние относятся к феноменологии вторичной.

Подавляющее большинство современных эмпирических работ по психологии, бесспорно, выстроены в логике существующей системы научных понятий и устанавливают то, что названо выше вторичными эмпирическими закономерностями. При этом нельзя сказать, что установление первичных закономерностей «выше» или ценнее, чем работа над вторичными. Ничуть нет, разница заключается в типе работы, но и то и другое – необходимые элементы научного движения.

Выявление вторичных закономерностей является основным способом проверки моделей. Так, например, из трехкомпонентной модели памяти следует, что предъявления списка слов из гомофонов должно приводить к исчезновению эффекта первичности, а отсроченное воспроизведение – эффекта недавности. Результаты соответствующих экспериментов совпали с предсказаниями теории.

Эмпирическая многоаспектность

Выявляемые психологами закономерности оказываются чрезвычайно многочисленными и «фасеточными». Они относятся к разным ситуациям и интерпретируются в не связанных между собой понятиях. Например, закономерность позиционной кривой или минимальной группы лежат в разных плоскостях, отличающихся как порождающими их ситуациями, так и способами реагирования.

Психологи, конечно, признают, что все эти закономерности порождены деятельностью одного и того же существа, но те подструктуры психики, которые вводятся для объяснения позиционной кривой (кратковременная и долговременная память, процессы переноса из одной в другую и т.д.), не имеют ничего общего с теми, что используются для объяснения минимальной группы (социальная категоризация, отнесение себя к социальной категории, механизмы поддержания самооценки и т.д.).

Это обстоятельство само по себе было бы совершенно нормально, если бы психологам удалось создать синтезирующие модели, которые объединяли бы в целое различные локальные модели как описывающие подструктуры, по отношению к которым можно установить целостную структуру. Однако такого рода синтезирующие модели в психологии сильно отстают от локальных, что решающим образом влияет на облик нашей науки в настоящее время. Мы не располагаем научными описаниями целого, в котором долговременная и кратковременная память соседствуют с механизмами поддержания самооценки. Психологи, прекрасно справляющиеся с локальными моделями, не структурируют целое человеческого субъекта, а набрасывают в него, как в мешок, различные не связанные между собой гипотетические механизмы, призванные объяснить поведение в разных ситуациях.

Получается как бы разбиение человека на разные предметы познания, исследование которых происходит независимо: изучение минимальной группы в социальной психологии ничего не добавляет к изучению

позиционной кривой. В результате концептуальное поле современной психологии образовано множеством моделей. Их число установить достаточно сложно, но интуитивно кажется, что счет давно уже идет не на сотни, а на тысячи относящихся к разным областям психологии моделей. Образовалось то, что Я.А. Пономарев назвал эмпирической многоаспектностью: «Огромная масса эмпирических работ становится необобщаемой; эта масса представляет конгломерат знаний, который захлестывает науку, лишая ее способности к обобщению: наука оказывается не в состоянии осмыслить, использовать порождаемый ею конгломерат знаний во всем его потенциальном богатстве» (Пономарев, 1983, с. 41). Представляется, что это описание Пономарева хорошо характеризует состояние современной науки, если понимать под обобщением и осмыслением эмпирических данных возможность находить им место в общей структуре человеческой психики.

В результате особенностью психологической науки становится существование двух пунктов притяжения, двух системообразующих центров научных понятий. Вокруг одного центра происходит образование операционализируемых понятий, позволяющих создавать модели среднего уровня, проверяемые в эксперименте, вокруг другого строятся понятия, рисующие целостный образ человека.

Основная проблема заключается в том, что полной стыковки двух полюсов у психологов до настоящего времени не получается. Психологический эксперимент очень ограничен во времени и пространстве.

Экспериментальная ситуация по масштабу как «единица разложения поведения» несоизмеримо меньше реальных событий жизни человека, поэтому результатом психологического эксперимента всегда оказывается небольшой фрагмент связей переменных нашей психики, положение которого в системе целого экспериментом не выявляется и остается предметом спекуляций. Это означает, что по итогам психологического эксперимента мы строим модели, основанные на понятиях, которые хорошо

поддаются операционализации, но оказываются неопределенными в плане соотношения с общей «архитектурой» человеческой психики.

Такая ситуация приводит к очевидным проблемам. Приведем лишь один пример – схизму психологической теории и практики (Журавлев, Ушаков, 2011, 2012а, 2012б). Ведь, например, психотерапия, имея дело с целостным человеком, редко получает возможность воспользоваться локальными закономерностями, установленными в хорошо контролируемом эксперименте. В свою очередь, психотерапевты пользуются такими теориями, которые проверки не допускают. В результате возникает разрыв, который не идет на пользу ни одной из сторон.

Все же нельзя сказать, что ситуация в психологии является кризисной. В фундаментальном плане идет постоянное накопление фактов и локальных моделей, позволяющих все точнее предсказывать поведение человека в тех или иных ситуациях и оценивать индивидуальные особенности (см., например: Новое в науках..., 2015, Принцип развития .., 2016; Прогресс психологии ..., 2009; и др.). На основании теоретико-экспериментальных исследований решаются и некоторые практические проблемы в области образования, эргономики и т.д. (см.: Актуальные проблемы ..., 2015; Взаимоотношения ..., 2015; и др.).

Во всех случаях принципиального прорыва, который мог бы сделать психологию наукой XXI в., как прочат футурологи, обеспечил бы на новом качественном уровне выполнение ею как мировоззренческой, так и практической функций, можно ожидать только от нахождения способов синтеза, открывающих возможность соединить отдельные локальные модели внутри интегративного взгляда на психику человека. Рассмотрим, как в психологии действует «тайная пружина» стремления в этом направлении.

Границы применимости объяснительных схем

Перераспределение границ объясняемых разными моделями эмпирических областей постоянно происходит в результате внутренней динамики, заложенной в объяснительные схемы. Часто модель в определенный период

времени выступает монополистом, безальтернативно объясняя какой-либо фрагмент эмпирии. Такие модели стремятся к экспансии на соседние области эмпирии.

В других случаях несколько моделей направлены на объяснение одной и той же эмпирии, и тогда они выступают прямыми конкурентами друг другу. Это обычно характерно для моделей, создаваемых в близкое время, когда ориентация происходит на одинаковую эмпирию.

Казалось бы, на этой основе в психологии могли бы сложиться процессы, характерные для «нормальной науки» (по Т. Куну): в результате конкуренции моделей, где производство вторичной эмпирии выступает основным способом выявления победителя, могли бы выдвинуться общепризнанные объяснительные схемы. Так бы, вероятно, и произошло, если бы границы между областями были бы незыблемыми и раз навсегда установленными.

Проблема заключается в том, что фрагменты реальности вырезаются ножницами научного анализа для превращения в экспериментальные парадигмы и объяснительные схемы произвольно, без теоретического обоснования. В результате различные объяснительные схемы перекраивают карты объясняемых областей на свой лад. Например, теория умственных моделей Ф. Джонсон-Лэрда и теория дарвиновских алгоритмов Л. Космидес в некоторых случаях предлагают альтернативные объяснения одних и тех же явлений, например, влияние тематического содержания на решение задач (Вейзоновской задачи выбора и т.д.). Однако в других случаях применима лишь одна из этих теорий. Так, теория Джонсон-Лэрда в отличие от теории Космидес может описывать решение силлогизмов, зато последняя позволяет объяснить когнитивные феномены в случае социальных обменов, чего не может первая. Таким образом, области объяснения для этих теорий могут быть представлены в виде пересекающихся кругов. Аналогичное соотношение можно наблюдать, например, для теорий внимания, связанных

с селекцией и конъюнкцией признаков, теорий мотивации достижения и внутренней мотивации и т.д.

Сила объяснительных моделей во многом определяется способностью к объяснению феноменов, возникающих в используемых экспериментальных парадигмах. При изобретении новых парадигм бонусы получают те модели, которые способны объяснять и предсказывать новые данные. В результате нередко складывается ситуация, когда модель выходит из употребления не потому, что ее опровергли, а потому, что интерес сместился к новым экспериментальным парадигмам, а модель оказалась им не релевантна.

В поисках «архитектуры» целого

Сказанное ставит перед психологами трудный вопрос о том, какое место занимают описываемые локальными моделями структуры и процессы в контексте неизвестного нам целого организации человеческой психики. Фактически каждая локальная модель имеет свои «стыковочные узлы», т.е. понятия, которыми она обращена к целому психики и через которые призвана в это целое вписаться. Если речь идет о какой-либо когнитивной структуре, например памяти, то ее стыковка определяется тем, откуда она черпает информацию и куда передает, под каким управлением находится, как взаимодействует с мышлением и т.д. Если о системе личностных черт, то необходимо определить, как они воздействуют на поведение, взаимодействуя с ценностями и установками, какими структурами реализуются и т.д. Можно сказать в общей форме: ни один объект, описываемый локальными моделями психологов, не способен функционировать вне целостной психики.

Синтез возможен на основе представления об «архитектуре» целостной системы, внутри которой отдельные локальные модели заняли бы свои законные места. В психологии было предложено фактически два проекта такой архитектуры.

Первый проект связан с теорией модулярности Дж. Фодора (Fodor, 1983). Теория модулярности выступает как логический ответ на познавательную ситуацию, в которой объективно оказалась психология, на проблему

фасеточности. В пределе программа Фодора направлена на то, чтобы свести значительную часть психологической реальности к деятельности независимых друг от друга модулей, для описания каждого из которых нужна своя особенная, не связанная ни с чем другим модель. Модули независимы, срабатывают автоматически, поэтому и изучать их можно независимо от всего остального. Теория Фодора максимально упрощает «стыковочные узлы» моделей. Эти узлы сводятся фактически к автоматической активации модуля при поступлении релевантной информации и передаче информации от одного модуля к другому. Это очень удобно для исследования, поскольку локальные модели оказываются не промежуточным этапом, через который надо перейти, чтобы двигаться к общему знанию, а конечным пунктом получения позитивного знания.

Однако теряют не всегда там, где светло. Даже Фодор, выделяя как наиболее удобный объект познания модули, тем не менее признает также наличие инстанции, не сводимой к модулям. Характерно, что, когда проблема этой инстанции становится очевидной, Фодор вообще склонен отказаться от попыток изучать ее и предлагает обратиться к понятию гомункулуса.

Другой проект связан с пониманием отношения конкретного поведения человека, описываемого локальной моделью, к архитектуре целого, которое может быть описано термином Н.А. Бернштейна «ограничения степеней свободы». Действуя в определенной ситуации, человек ориентируется на некоторые контексты, исключая другие. Этим определяется круг процессов, объясняющих поведение человека в конкретный момент времени. Однако этот круг процессов не является модулем в смысле Фодора, поскольку в его случае нельзя говорить об автоматическом и неосознанном характере работы. Такой подход предполагает, что модель процессов, объясняющих деятельность человека в данных условиях, может быть получена из общей модели при условии, что в специфической ситуации (лабораторной или

реальной жизненной) задействованы некоторые структуры и процессы, в то время как другие отторжены.

Фактически подход, связанный с ограничением степеней свободы, применяют глобальные модели когнитивной системы, такие как АСТ Дж. Андерсона. Эта модель включает долговременную память в виде ассоциативной сети и набора схем, а также систему «правил продуцирования». В зависимости от задачи на передний план выходят разные компоненты модели, что и позволяет когнитивной системе предъявлять «разные лица» в различных ситуациях.

Все же модель Андерсона при всех ее достоинствах не может объяснить сколько-нибудь значительную часть психологической эмпирии с точностью, приближающейся к той, которой обладают локальные модели, разработанные под эту эмпирию. Проявляется эффект специализации: для решения специфической задачи лучше всего подходят системы, приспособленные только для ее решения. Современная психология сконцентрирована на решении множества специфических задач, что приводит к формированию локальных моделей.

Сложность вопроса об архитектуре усугубляется непонятностью путей ответа на него. Проблема синтеза моделей связана с принципиально особым способом работы. Испытанное психологами вырывание частей из действительности здесь ничего не дает.

В психологии возникает потребность в своего рода лапласовском уме, т.е. всеобъемлющем интеллекте, который мог бы принимать в расчет всю совокупность мыслимого. Но только в отличие от физики в психологии эту совокупность составляют не координаты и импульсы всех частиц во Вселенной, а все возможные проявления человеческой психики, ее разрозненные части, связанные глобальной архитектурой.

Суммируя сказанное, можно констатировать, что структура предмета психологической науки¹² такова, что она провоцирует нашу науку на превращение в собрание не связанных между собой моделей разрозненных объектов, теряя образ единого человека. Это свойство в современной психологии заметно уже при беглом взгляде на любую ее область – фрагментированность теоретического пространства бросается в глаза.

Функционализм

Интересным феноменом в контексте сказанного выступает функционализм, которого только ленивый не придавал поношению, но который тем не менее и сегодня продолжает свое существование. Дело в том, что функционализм основывается на необходимости формальной классификации научных феноменов. Классификация – задача мало связанная с собственно научным поиском, но важная для его инфраструктуры – формирования учебных курсов, учебников, научных подразделений, классификаторов фондов, программ конференций и т.д. Для всего этого требуется внятное членение научного поля дисциплины. Если бы психология располагала ясным представлением об архитектуре своего предмета, такое членение могло бы происходить на основании внутренних закономерностей и связей предмета изучения. Однако в отсутствие общепринятого представления об архитектуре основой этого членения могут выступить только внешние признаки – функции.

В результате основным способом категоризации по внешнему сходству в психологии выступил функционализм. Так, феномены запечатления, воспроизведения и забывания различных объектов по внешнему сходству были сгруппированы в общую категорию памяти.

¹² В действительности структура предмета психологии содержит несколько серьезных трудностей, о которых речь не шла. Здесь не обсуждалась, например, проблема субъективных состояний (квалиа) и сознания. Не обсуждалось и то, что психология занимается тем, что Г.П. Щедровицкий называл популяционными объектами, т.е. объектами, имеющими общее происхождение и общую структуру при различии параметров. Это свойство вводит в психологическую науку дополнительное измерение индивидуальных различий. Однако уже названных особенностей достаточно, чтобы понять причины разрозненности психологического знания на нынешнем этапе.

В то же время эмпирическое исследование выявляет большую гетерогенность процессов, стоящих за явлениями одной и той же категории. Эта гетерогенность проявляется и в том, что явления, относимые к одной и той же категории, ведут себя по-разному, и в том, что явления, относимые к разным категориям, сближаются. В случае памяти в рамках единой категории по-разному проявляют себя, например, кратковременное, долговременное и сверхкратковременное хранилища. Во многих случаях сближаются явления, исходно относимые к сферам памяти, внимания, восприятия и т.д. Таким образом, функционализм – столь же закономерное явление в развитии психологического знания, как и его последующая критика. Функционализм закономерен, когда психология занимается работой с локальными моделями. Его преодоление, о котором психологи говорят уже чуть ли не столетие, возможно лишь при условии выработки общепринятой глобальной теории, которая могла бы задать гомогенность концептуального поля.

Тенденции синтеза психологического знания «снизу вверх»

Стремление к синтезу локальных моделей весьма сильно в исследовательской практике. Главные события при этом происходят по принципу «снизу вверх»: в виде объединения локальных моделей в более крупные, способные объяснить большие группы данных. Подробно эти процессы были рассмотрены автором в другой работе (Ушаков, 2005). Здесь они будут описаны более коротко.

Синтез снизу вверх развивается примерно по следующей схеме.

Формируется пул моделей, между которыми разворачивается взаимодействие. Тенденция к единообразию связана, с одной стороны, с определением моделей-победителей, а с другой стороны, к построению «концептуальных мостов» между ними.

После появления достаточного объема эмпирических данных образуется возможность создания новых оснований для группирования психологических явлений – сходство эмпирически обнаруженных закономерностей функционирования. Тогда происходит создание первых моделей, которые

сближают феномены на основе их внутренних закономерностей, в результате чего приобретают как бы срезовой характер. Метафорически это можно выразить как проекцию единого многомерного объекта изучения на различные плоскости. В отличие от объединения объектов по внешним признакам объединение по проекциям основывается на сходстве закономерностей функционирования, в результате чего становится доступным создание полноценных моделей, постулирующих внутренние структуры за внешним поведением. В этом плане различные виды внешне несходного поведения оказываются отнесены к ведомству одних и тех же внутренних структур. Например, в теории Ж. Пиаже на одной и той же стадии когнитивного развития за счет одних и тех же механизмов появляются феномены, относящиеся к собственно интеллекту (например, решение задачи сериации), памяти (запоминание транзитивных отношений), мировоззрению (например, оценка характера причинности), моральным суждениям (оценка действий другого человека) и т.д.

Проблема срезовых моделей, однако, заключается в том, что их объяснительные возможности зиждутся на абстрагировании от ряда свойств объекта, как бы приравнивании переменных к нулю.

Далее срезовые модели обнаруживают тенденцию к синтезу. Автором была предложена схема, описывающая процессы синтеза научных теорий в определенной области (Ушаков, 2005). Она рассмотрена на двух примерах. Один из области психологии – развитие исследований интеллекта и мышления. Другой пример из области физики – создание теории относительности на базе выглядевших до этого разделенными механики и электродинамики. Сопоставление физики и психологии показательно. Выше особенности предметов этих двух наук противопоставлялись.

Аргументировалось, что предмет изучения психологии ввиду его сложности распадается на множество независимо друг от друга изучаемых частей. В физике это в общем случае не так. Однако электродинамические и механические явления еще в конце XIX в. воспринимались физиками как в

корне разнородные и несводимые друг к другу. Падающий с Пизанской башни камень и ток, индуцируемый движущимся магнитом в проводнике, относились к разным классам явлений природы, и не предполагалось обнаружить единство законов. Тем не менее революция в физике начала XX в. позволила обнаружить это единство. К сожалению, психология не зашла столь далеко по пути синтеза даже столь очевидно родственных объектов, как интеллект и мышление. Тем не менее в упомянутой работе было показано, что начало движения в сторону синтеза в психологии происходит аналогично. Всего в этом движении было выделено пять этапов.

Первый этап, предшествующий возникновению ситуации многомерного синтеза, связан с освоением наукой новых пространств и возникновением на них первичных, или «классических», теорий. В психологии интеллекта таких областей было три: развитие интеллекта, функционирование процессов мышления и индивидуальные особенности интеллекта. Все три плана относятся к изучению одного и того же процесса решения задач, но взятого в разных отношениях.

Поворотным моментом в исследовании развития интеллекта стало возникновение теории Ж. Пиаже, которая, зародившись в 1920-е годы и пройдя три (Ушаков, 1995) или четыре (Pascual-Leone, 1987) этапа развития, в 1960-е годы стала доминирующей в своей области. Пиаже сумел разработать особый тип эксперимента, собрать огромный эмпирический материал и обобщить его в виде масштабной теории стадий. Однако сделано это было ценой ряда фундаментальных абстракций. Теория Пиаже, описывая интеллектуальное развитие, полностью абстрагируется от индивидуальных различий и от процессов, приводящих к решению задачи. Критерием отнесения к стадии для него всегда являлся результативный аспект – ответ ребенка.

Анализ классических исследований в области психологии мышления показывает, что они тоже осуществлялись в абстрагировании от других сфер изучения интеллекта – в данном случае развития и индивидуальных

различий. Работы, выполненные, например, О. Зельцем, Н. Мейером или К. Дункером, рассматривают мышление как независимое от того, кто думает, – ребенок или взрослый. Закономерности типа дункеровской смены гештальтов общи для профессора математики, трехлетнего ребенка или келлеровского шимпанзе. Не меняет дела и более поздняя информационная парадигма поиска в проблемном пространстве, который оказывается общим механизмом мышления на всех этапах когнитивного развития.

Основой исследований индивидуальных различий интеллекта стало понятие о его структуре, идущее от Ч. Спирмена и соотносящее различные интеллектуальные способности в терминах корреляционной близости.

Структура интеллекта по умолчанию рассматривается как характеризующая все возрастные группы, причем способности берутся в абстракции от процессов решения задач, а просто в связи с результатами их решения.

Таким образом, продуктивность исследования в каждой из описанных научных областей достигнута введением фундаментальных абстракций, как бы «уплощением» многомерного предмета за счет приравнивания к нулю его протяженности в иных измерениях, кроме рассматриваемого. До определенного момента эти абстракции весьма плодотворны, поскольку позволяют наладить эффективный исследовательский процесс.

В рассматриваемой сфере физики в основе ситуации многомерного синтеза оказались включенными две области: механика и электродинамика. Эти области также сформировались фактически путем абстракций, «уплощения» многомерного предмета. Так, классическая механика довольно точно описывает движения тел, если их скорости малы по сравнению со скоростью света. Поскольку в реальной жизни мы имеем дело именно с такими скоростями, абстракция классической механики хорошо соответствует нашему повседневному опыту.

На *втором этапе* выявляются проблемы внутри каждой области, обычно связанные с фактами, не находящими объяснения в рамках классической теории. Эти проблемы являются расплатой за «уплощение» предмета:

неучтенные измерения рано или поздно врываются в тщательно охраняемое плоскостное отображение объекта и проявляются в нем необъяснимыми аномалиями.

Для пиажеанства эти факты связаны в первую очередь с различными феноменами декаляжей, т.е. неодновременности появления в онтогенезе функций, которые оцениваются теорией как структурно одинаковые. Если обратиться к предпосылкам и идеализациям, приводящим к возникновению проблемы декаляжа, то вновь возникает тема индивидуальных различий и процессов функционирования, выводимых за рамки пиажеанства. В самом деле декаляжи делятся на коллективные, т.е. свойственные всем детям на определенном отрезке когнитивного развития, и индивидуальные – разным детям свойствен разный порядок прохождения этапов в разных областях когнитивного развития. Индивидуальные декаляжи указывают на необходимость включения в модель индивидуальных различий. Коллективный декаляж означает, что задачи, имеющие одну и ту же логическую структуру, но разное содержательное оформление, оказываются разными по трудности для детей, а это означает, что дает сбой абстракция от процессов решения задач. Проблема декаляжа подчеркнула, что для понимания последовательности онтогенетического становления различных интеллектуальных функций нужно не только описать их структуру, но и процессы, механизмы, стоящие за их реализацией.

В психологии мышления не возникло необъяснимого явления, подобного декаляжу. Однако трудности, порожденные отсутствием синтеза, приходят с другой стороны – в связи со сложностью создания объемлющей теории, дроблением некогда единой теории на мини-модели решения отдельных задач или их классов. Теории в области психологии мышления все более становятся теориями решения одной задачи или определенного класса задач. Переход к локальным моделям, в пределе – моделям решения одной задачи является логическим следствием исключения проблематики развития из области мышления. В самом деле вряд ли этот и подобные ему споры можно

разрешить, если не посмотреть на проблему в более широком контексте – способность к решению задач определенного рода не есть инвариант когнитивной организации человека, она формируется в общем контексте развития субъекта. Таким образом, логичным представляется вывод, что универсализация получаемых закономерностей в психологии мышления может происходить путем анализа связи и преемственности способов мышления, формируемых в процессе взаимодействия человека с окружающим миром, а также путем учета индивидуальных особенностей выработанных способов.

Нарисованную картину дополняет анализ исследований индивидуальных особенностей интеллекта, который у своих истоков абстрагировался от развития и процессов решения задач. Вследствие такого способа определения факторы в структуре интеллекта оказываются эфемерными, лишенными субстанции в том смысле, что остается не очень ясным, какими процессами они формируются. Ведь нельзя же предположить, что способности людей существуют сами по себе, а не опираются на различные психические, в том числе когнитивные процессы. Мы небезосновательно склонны считать, что люди способны решать те или иные задачи, потому что у них в достаточное степени работают психические процессы, с помощью которых эти задачи решаются. Отсюда возникают явления нестабильности структуры интеллекта в зависимости от методов вращения, применяемых тестов и выборки.

Однако логика корреляционного метода и его производных, в частности факторного анализа и линейно-структурных моделей, плохо приспособлена для того, чтобы не просто устанавливать связи способностей, но и идентифицировать стоящие за ними процессы. Следовательно, возникает необходимость в создании теоретических схем, способных связывать факторы с процессами. Наиболее естественная схема, состоящая в том, что за каждым фактором стоит один или несколько процессов переработки информации, оказывается на практике неработающей, в результате чего все

современные модели структуры интеллекта лишь гипотетически увязывают факторы с процессами.

С этим связана и другая проблема факторных моделей – невозможность окончательного выбора между разными вариантами. Сегодня наиболее уважаемой считается модель Кэрролла, в том числе в ее усовершенствованном варианте под названием СНС. Однако некоторые ученые продолжают утверждать, что альтернативная модель VPR объясняет факты лучше. Есть свои сторонники и у берлинской модели интеллекта, а также у триархической модели и ряда других. Эти разногласия трудно разрешить путем проверки альтернативных факторных моделей, поскольку проведение эмпирического исследования по всем существующим вариантам тестов в практическом смысле нереально. Однако их можно было бы снять, если бы была ясна процессуальная природа факторов.

Аналогичный момент появления затруднений, вызванных исходной абстракцией, легко зафиксировать и для классической ньютоновской физики. Там наиболее неприятным и непонятным фактом оказалась независимость скорости света от скорости движения системы отсчета. В опыте Майкельсона-Морли выяснилось, что скорость света Солнца не зависит от того, направлено ли вращательное движение Земли в той точке, где скорость света измеряется, навстречу свету или от него.

На *третьем этапе*, наступающем после осознания невозможности объяснить появившиеся факты в рамках старой теории, начинаются попытки ассимиляции фактов, найденных в рамках одного среза, с помощью понятий, возникших в рамках другого. В физике начала века такого рода попыткой стала, например, теория подвижного эфира. Если скорость света не зависит от движения Земли, можно предположить, что свет распространяется с постоянной скоростью относительно наполняющего все космическое пространство, но при этом подвижного эфира, который захватывается Землей при ее вращении. Эфир вращается вместе с Землей, поэтому скорость света относительно Земли, как и относительно эфира, всегда одинакова. Еще и

сегодня со словами типа «В эфире Радио-7 на семи холмах» до нас доходят отголоски этой старой теории.

Теория подвижного эфира пыталась в рамках понятий старой динамики объяснить феномены, выходящие за ее пределы. В методологическом плане она подобна неоструктуралистским теориям в сфере интеллекта. Неоструктурализм использует понятия информационного подхода для объяснения явлений, связанных с когнитивным развитием. В неоструктурализме переходы между стадиями связываются с увеличением «мощностей» по переработке информации, в частности – с рабочей памятью (Халфорд, 1997; Case, 1987; Demetriou, Efklides, 1987; Fisher, Farrar 1987; Pascual-Leone, 1987; Halford, 1996). Также характерными чертами этого направления являются попытки учесть индивидуальные различия и произвести спецификацию различных когнитивных областей.

Сравнение с ныне явно устаревшей теорией подвижного эфира не означает уничижительной оценки неоструктурализма. Речь просто идет о том, что аналогичные по смыслу попытки ассимиляции новых фактов при помощи старого понятийного аппарата в новых его комбинациях являются закономерными на определенном этапе многомерного синтеза. Современная психология интеллекта как раз находится на этом этапе, а неоструктурализм – на ее переднем крае. Физика же давно двинулась за пределы теории эфира и перешла к следующему этапу.

Следующий, *четвертый этап* является решающим в плане развития многомерного синтеза. Он может быть охарактеризован как нахождение ядерного соотношения в изучаемом предмете. В обсуждаемой области физики этот шаг был сделан А. Пуанкаре, показавшим, что математическим смыслом преобразования Максвелла является сохранение при движущейся системе отсчета инвариантности не отдельно пространства или отдельно времени, а так называемого пространственно-временного промежутка. Таким образом, появилась основа синтеза в рамках единой теории явлений механики и электродинамики и объяснения доселе непонятных феноменов.

Выделенное ядерное соотношение приводит в движение всю систему понятий в соответствующей сфере науки. Некоторые из этих понятий вообще исчезают из научного лексикона (например, эфир), другие наполняются новым содержанием (например, пространство и время). Наконец, появляются принципиально новые понятия. Эта работа в области физики, выполненная А. Эйнштейном, привела к созданию теории относительности в том виде, как мы знаем ее сегодня, и завершила *пятый этап* системного синтеза.

Здесь можно подытожить анализ процессов синтеза «снизу вверх» в психологии. Эти процессы запускаются после того, как формируются разработанные в плане экспериментальных данных и объяснительных моделей научные области, которые образованы на основе абстракций, как бы «уплощающих» многомерный объект. Так, классические работы в области мышления и интеллекта были выполнены на основе последовательного отделения друг от друга интеллектуального развития и функционирования процессов мышления, а также того и другого от проблематики индивидуальных различий. Вначале такое отделение было весьма продуктивным и позволило накопить богатый эмпирический материал и объяснительные схемы. Однако в определенный момент абстракция исчерпала себя, что стало проявляться в виде проблем – аномальных фактов или же невозможности создания достаточно объемлющих теоретических моделей. На этой стадии возникают попытки применения принципов, заимствованных из одной области, к феноменологии другой. Однако подлинное решение заключается в том, чтобы увидеть объект как многомерный и предложить адекватную такому видению модель.

Синтез «сверху вниз» и глобальные метафоры

Синтетическое движение «снизу вверх» в психологии обладает достоинством неотрывно следовать фактам: более крупные модели строятся на базе более мелких эмпирически обоснованных моделей и сами тотчас же имеют возможность опереться на эмпирию. Однако движение «снизу вверх» идет весьма трудно, поскольку продвигается как бы ощупью, поскольку, как

отмечалось выше, объект столь большой сложности очень трудно или даже невозможно исследовать, не обладая заранее знанием о нем. Это заранее данное знание позволило экспериментаторам выявить первичные закономерности поведения их объекта, но вряд ли без использования этого предварительного знания, чисто эмпирически возможен синтез моделей локальных закономерностей в целостное научное представление о человеке. В связи с этим в психологии всегда в большей или меньшей степени, иногда в исчезающее рудиментарной форме, существовало синтетическое движение «сверху вниз»: от целостного образа человека к моделям отдельных его проявлений. Необходимость этого второго движения ощущается психологами весьма настоятельно, поскольку именно оно дает основание для выбора той или иной архитектуры, общей системы понятий, на которой могли бы базироваться теории первого уровня. Однако проблема связана с тем, как обеспечить рациональное обоснование для целостного образа человека. Ведь именно рациональность обоснования делает теорию и понятие научными, а не художественными, идеологическими или просто шарлатанскими. Для локальных моделей рациональность обоснования заключена в процедурах эмпирической проверки, а в отношении целостного образа человека это заведомо невозможно.

В связи с этим на уровне целостного образа вместо теорий используется то, что получило название метафор – например, компьютерной метафоры. Метафора определяет, как предположительно должна быть организована психика человека или ее часть, например, когнитивная система. Однако в отличие от теории она не содержит рационального обоснования этого предположения. Обоснованием служит общая убедительность подобия. Например, компьютер может решать некоторые задачи из числа тех, что решает человек. Почему бы не представить когнитивную систему человека хотя бы частично по подобию архитектуры компьютера, которую мы сами создали, а потому знаем?

Благодаря этому ходу мысли приобретает респектабельность целый ряд понятий, которые обозначают структурные элементы компьютера. Например, рабочая память логически становится одной из необходимых структурных единиц, а ее объем – важной характеристикой когнитивных способностей человека. Дальше находятся эмпирические соответствия этому понятию, например, в виде способности удерживать какое-то количество информации, совершая параллельно дополнительные действия.

В результате силой компьютерной метафоры вызывается из небытия структура, понятие о которой, вероятно, не возникло бы без этой метафоры, а также ряд экспериментальных ситуаций, составивших вместе с понятием благодатное поле для исследований в соответствии с лучшими канонами науки.

Однако уже на следующем шаге возникает вопрос о том, как концептуализировать рабочую память, причем формируются две противоположные точки зрения. Одна рассматривает рабочую память как структуру, куда информация попадает, а потом выходит, а другая – как один из этапов активизации следа события в памяти. Эти варианты отсылают к разному пониманию целого когнитивных процессов, одно из которых следует компьютерной метафоре, а другое – скорее биологической. При этом эмпирические исследования не приносят решительного успеха ни одному, ни второму пониманию.

Метафора, таким образом, – это теория особого рода, которую можно назвать недоопределенной. Определены некоторые отношения между объектами, в то время как другие остаются неопределенными, поэтому внутри одной метафоры могут сосуществовать различные теории: например, SOAR А. Ньюэлла и АСТ-R Дж. Андерсона являются весьма различными моделями, реализующими, однако, одну и ту же компьютерную метафору.

Сказанное отражает, насколько метафоры оказываются продуктивными на этапе генерации новых понятий и экспериментальных схем, но при этом не способны прояснить ситуацию выбора между теоретическими

альтернативами. Это понятно: метафоры по своей природе бездоказательны, они дают материал для фантазии психологов, но не позволяют что-либо надежно обосновывать.

Глубинной основой убедительности метафор чаще всего выступает представление о целесообразности. Работа психики в духе компьютера выглядит целесообразной. Собственно люди и создали компьютеры для того, чтобы решать некоторые задачи, доступные психике. Именно так мы и представляли бы устройство машины, способной к когнитивной деятельности.

Например, в своем учебнике по когнитивной психологии памяти Р. Клацки, вводя понятия, например, кратковременной и долговременной памяти, опирается на образ верстака: то, что нам постоянно нужно в процессе работы, держится на верстаке, а остальное у нас складировано на полках. То, что мы держим на верстаке, соответствует кратковременной памяти, а то, что убрано на полки, — долговременной.

Поскольку мы из жизненного опыта понимаем, что лучше отдельно складировать то, что требуется немедленно, и то, что потребуется в неопределенном будущем, то легко предполагаем, что, для когнитивной системы тоже экономнее всего некоторую важную в данный момент информацию держать в непосредственном доступе, а другую информацию припрятать, чтобы она ждала своего часа. Память разделена на кратковременную и долговременную, поскольку это целесообразно и экономит когнитивные усилия.

Целесообразность скрыто подразумевается как принцип организации когнитивной системы. Мы склонны считать, что человек организован целесообразно. Не было бы легких, не мог бы дышать; не было бы почек, не очищалась бы кровь и т. д. В связи с психикой целесообразность выступает в форме разумности. Психика устроена определенным образом и включает какие-то процессы для того, чтобы мы были разумными существами. В конечном счете психологи интуитивно готовы принимать утверждения,

обосновывающие устройство когнитивной системы человека тем, что благодаря этому устройству человек способен вести себя разумно.

Менее ясно назначение чувств. В наш рациональный век они склонны восприниматься как странный придаток когнитивной системы, если не атавизм, доставшийся нам от животных предков. Возможно, поэтому когнитивная психология приобрела столь большие права во многих сферах от детского развития до социального поведения.

Целесообразность как основание метафор устройства психики при всех ее достоинствах имеет и серьезные ограничения. Во-первых, человек, исходя из представления о целесообразности, пока не способен сконструировать вычислительную машину, которая выполняла бы функции живого мозга. Не приходится ожидать, что наука на этом же основании априорно выведет архитектуру психики. Во-вторых, далеко не факт, что человеческая психика во всех своих проявлениях устроена целесообразно. Возможно, что эволюция при ее создании руководствовалась и другими соображениями, например, наличным материалом.

Функция метафор в научно-исследовательской практике заключается в том, чтобы транслировать метафорически заданное представление об устройстве целой психики на уровень локальных моделей. Использование метафор приводит к тому, что становится уважаемым определенным вид объяснительных схем, как, например, в случае с компьютерной метафорой приобретают уважительность объяснительные схемы в составе различных блоков переработки информации, аналогичных тем, что применяются или в принципе могут применяться в компьютерах. Эвристическая функция этих объяснительных схем заключается в том, что научное сообщество начинает активно выискивать такие формы поведения человека, которые могут найти себе объяснение с помощью соответствующих схем. При этом конструируются соответствующие им экспериментальные ситуации, что производит перераспределение в потоке формируемой фактологии.

Созидание метафор и терминов, выходящих за рамки локальных моделей, происходит как побочный продукт деятельности новаторов, предлагающих локальные модели, которые соответствуют новым канонам в плане вписывания в контекст человеческой психики. Так происходило формирование когнитивной психологии, когда такие исследователи, как Д. Бродбент, У. Найсер и др., стали формулировать модели, основанные на новой системе понятий.

Они смогли убедить сообщество, что их модели привлекательны – эвристичны и в то же время достаточно правдоподобны, что вызвало готовность подражать их примеру. При этом обосновывалась адекватность конкретных моделей, но не всего подхода в целом. Более того, обоснование этой адекватности было совершенно локальным, оно не подразумевало конкуренцию с терминами, порожденными иными метафорами.

Систематическая работа в обратную сторону, от образа целого к проработке экспериментальных идей, не рассматривается как научная.

Все сказанное подводит к заключению, что метафоры – достаточно серьезный канал, влияющий сверху вниз на создание локальных моделей.

Проблема, однако, заключается в том, что невозможно оценить адекватность метафоры, понять, не ведет ли она в заведомый тупик, ориентируя исследование в дебри, отдаляющие от продуктивного понимания предмета. В этом плане прояснить ситуацию могла бы только рефлексия, которая, однако, превратила бы метафору в теорию.

Роль языка

Прежде всего следует отметить, что любой научный язык, описывающий объекты внешнего мира, связан с теорией. Например, понятие силы на языке ньютоновской механики существенно отличается от понятия силы, употребляемого в естественном языке. Определение понятий происходит в результате формирования теории, внутри которой они приобретают однозначность. В естественном же языке понятие силы многозначно, исходит

из разных контекстов, где оно присутствует, и часто организовано вокруг прототипа.

Научная дисциплина, организованная вокруг четко сформулированных и взаимосвязанных теорий, может обладать своей однозначно определенной системой понятий. В психологии же на нынешнем этапе при наличии множества локальных объектов не существует единого теоретического пространства, внутри которого отдельные понятия могли бы приобрести однозначные определения.

Тем не менее общепонятный язык, выходящий за пределы локальных моделей, необходим по нескольким причинам. Начнем с того, что при формулировке локальных моделей во многих случаях, хотя, вероятно, не во всех, существует необходимость обозначить механизмы «подключения» локальных процессов к целому психики. Возьмем, например, понятие имплицитного научения, определением которого является то, что оно происходит помимо цели. Тем самым в понятие имплицитного научения заложено понятие цели, а значит, предполагается, что есть субъект, ставящий цель и т.д. Все это означает, что, как только психологический язык предоставляет нам слово «цель» и мы соглашаемся им пользоваться, мы принимаем достаточно сложную и неочевидную теорию. Эта теория лежит «выше» исследуемой локальной модели в том смысле, что относится к более общим характеристикам архитектуры психики и является условием возможности этой модели, поскольку придает смысл понятиям, на которых модель построена.

В силу единства психики, проявляющегося в единстве сознания, личности и т.д., язык психологии по необходимости должен быть глобальным, способным обозначать все стороны психики, а значит, содержать в себе ее глобальную имплицитную теорию.

Далее понятия, выходящие за рамки локальных моделей, фактически разрабатывают то, что выше было обозначено как метафоры. Например, то же понятие цели, необходимое для определения имплицитного научения,

оказывается достаточно приемлемым для научного сообщества в силу той же компьютерной (или – в данном случае – программной) метафоры, которая вполне толерантна к возможности целеполагания как феномену, допускающему возможность программной реализации.

При этом одна и та же метафора может иметь разные понятийные воплощения. Например, та же компьютерная метафора может реализовываться в коннекционистских понятиях распределенных сетей и в то же время в понятиях переработки символической информации.

Наконец, языки, выходящие за рамки локальных моделей, необходимы для обеспечения коммуникации внутри научного сообщества. Сосуществование метафор, а также наличие различных разработок одной и той же метафоры открывают поле для более или менее мирного сосуществования целого ряда языков, на которых могут формулироваться локальные модели. Эта коммуникация основывается на том, что исследователи способны понимать своих коллег, развивающих другие локальные модели. Наиболее естественным образом коммуникация происходит у исследователей, не только работающих в рамках единой метафоры, но и использующих общий язык. Между приверженцами разных метафор коммуникация сложнее, и в этом смысле метафоры играют роль куновских парадигм. Однако психологическое образование в целом учит способности переходить с одного языка на другой.

Таким образом, понятия психологических языков по необходимости встроены не в однозначно сформулированную теорию, а вытекают из неформализованного образа, или эскиза, характеризующего в целостности тот объект, лишь на локальные модели которого отваживаются исследователи. Психологические языки подобны естественным и отличаются от языков «точных» наук в том плане, что не все термины в них однозначно определены. За счет связи с метафорами научные языки оказываются смесью обыденных представлений о психологии с терминами, введенными в результате разворачивания операциональных теории, разбавленной

вкраплениями из других областей человеческой культуры: компьютерного дела, искусства и т.д.

За образ целого никто не принимает на себя ответственности, поскольку его утверждения прямо не формулируются, а присутствуют лишь подспудно, в словоупотреблении. Мы используем термины (типа термина «цель»), подобно словам народной песни, их происхождение нам неизвестно, причем неизвестно по той причине, что рациональное обоснование его невозможно и отдельный ученый не может связать свое имя со столь шатким концептом.

Но когда большинство членов сообщества использует такой термин, то использование его со ссылкой на традицию становится безопасным для каждого отдельного исследователя.

Отсюда проистекает характеристика языков психологии, которая может быть названа нереклексивностью: многие термины введены вне процедуры контроля и обоснования, состоящей для эмпирической науки в обосновании обозначаемых понятиями конструкторов как наилучшего способа объяснения для эмпирических данных.

Скорее, в языках психологии вводятся целые системы понятий, каждое из которых не поддается верификационным процедурам, однако вся система в целом оказывается достаточно удобной для формулировки моделей и описания экспериментальных данных. Так, когнитивизм вводит целую систему понятий, таких как «переработка информации», ее «хранилище», «символы», «распределенные сети», «декларативное и процедурное знание» и т.д. Эта система обосновывается не рефлексивно, как в случае локальных моделей, а фактически за счет прагматических соображений: эвристичности, удобства пользования и общей респектабельности. Это отсутствие рефлексивности тесно связано с отсутствием персональной ответственности за метафоры и общие термины языка.

В связи с описанным характером психологического языка в локальные модели оказываются заложены термины, характеризующие значительно более глобальные свойства протекания нашей душевной жизни, чем те, что

описываются внутри самой модели. Причина этого кроется в несоотнесимости масштабов целостной психики, которая включает систему понятий языка в целом и феноменов, регистрируемых в отдельном исследовании. Верификация осуществляется в рамках отдельного исследования, при этом целостная структура психики не ставится под вопрос: одни и те же экспериментальные данные могут получить объяснение на основе разных целостных структур.

Метатеория

Радикальный проект синтеза психологического знания заключается в смене способов его производства, а именно в подъеме рефлексивности на верхние этажи психологического знания и преобразовании их из метафорически-эвристических в теоретические. Выделим два уровня теории в психологии. Первый уровень — это теории, которые объясняют те или иные виды поведения за счет особенностей человека. Например, теория Пиаже объясняет, почему ребенок в определенном возрасте решает некоторые задачи и не решает другие, вводя понятие стадий развития интеллекта. Определенные виды социального поведения объясняются за счет социальной категоризации, когнитивного диссонанса, атрибуции и т.д. Фактически все существующие экспериментально фундированные теории относятся к этому классу. Теории личности, социального поведения, когнитивных, мотивации и т. д.

Эти теории имеют эмпирическое обоснование – их адекватность аргументируется опорой на факты, а противоречие фактам служит основанием отвержения. При этом теории первого уровня не отвечают на вопрос «Почему люди такие?». Почему люди проходят стадии развития интеллекта, по Пиаже? Почему, например, у них есть эмоции – радости, грусти, ненависти и т. д.? Их могло бы не быть. Или они, может быть, могли бы быть другими.

Ответы на эти вопросы составляют предмет теорий второго уровня. Но теории, апеллирующие к рациональным основаниям, к вопросу «Почему?»,

уже в силу этого обстоятельства не могут основываться на фактах, хотя противоречие фактам (вопреки гегелевскому «Тем хуже для действительности») может служить основанием для предположения об ошибках при построении рационального основания. Именно такого рода теории могли бы быть основой синтеза, однако их проблематичность связана с отсутствием на сегодняшний день таких способов обоснования, которые могли бы расцениваться научным сообществом как доказательные.

Из сказанного следует, что наиболее радикальный подход к синтезу психологического знания заключается в создании адекватной и дееспособной теории второго уровня, которая может быть средством выработки представления об общей архитектуре психики. Как же видится сегодня эта теория второго уровня?

Выше уже отмечалось, что эта теория призвана ответить на основной вопрос, почему психика людей устроена так, как она устроена. Этот вопрос фактически равносителен такому: могла ли психика людей или других разумных существ быть устроена не так, как мы это наблюдаем у человека? Но современное общенаучное видение состоит в том, что люди с их психикой порождены эволюцией. Следовательно, ответы мы должны искать на пути анализа эволюции, причем не только биологической, но и социокультурной, анализа причин, по которым она порождает существа, обладающие психикой, различные структуры взаимодействия этих существ вплоть до социальных институтов и культуры и т.д.

Конечно, реализовать такой проект очень сложно. Более подробно автор писал о нем в другом месте (Ушаков, 2016). Здесь же стоит проанализировать подобный проект с позиции проблемы научного знания, стоящей в этой статье, и трудностей в синтезе психологического знания. Анализ обнаруживает, что в контексте структуры психологического знания и современной организации психологической науки на пути реализации такого проекта встают серьезные трудности.

Теории второго уровня есть, например, в физике и биологии. Так, у физиков иногда возникает вопрос, почему физические законы мира таковы. Еще Леонард Эйлер в свое время пытался вывести законы физики из законов сохранения. Почему, например, выполняется второй закон Ньютона? Потому что этого требует принцип сохранения. А принцип сохранения необходим, потому что благодаря ему мир продолжает оставаться самим собой при происходящем взаимодействии тел. Тела взаимодействуют и изменяются, но мир продолжает оставаться все тем же. Все же ни Эйлеру, ни кому-то после него не удалось показать, что физические законы не могут быть другими. По всей видимости, можно вообразить физические миры и с другими законами — не такими, как наши.

У Лейбница еще до Эйлера была несколько другая идея: мир таков, каков он есть, потому что он лучший из возможных. Физические законы, говорил Лейбниц,— это «привычка Бога». «Привычка» означает, что обычно Бог производит события в мире по законам физики, но может действовать и помимо них. Это было сказано в контексте возможности чудес.

В биологии дело обстоит иначе. Вполне можно обсуждать, почему живые существа и их психика устроены так, как они устроены, оставаясь на почве естественных наук, например, рассуждать на тему, как биологические объекты с их возрастающей упорядоченностью вписываются в физический мир, подчиненный второму началу термодинамики.

Физика, следовательно, находится по другую сторону баррикад от психологии и биологии. Иных физических законов в опыте человека быть не может. А другую жизнь или других разумных существ мы хоть и не встречали, но в принципе встретить можем. Например, океан Соляриса или какая-то другая жизнь не на белковой основе, может быть, где-нибудь во Вселенной и существует.

В этом плане проблема теории второго уровня стоит в психологии так, как и в биологии. В биологии вопрос о том, почему биологическое устройство такое, а не другое, ставится в связи с так называемой теоретической

биологией. Здесь можно вспомнить трагическую фигуру нашего соотечественника Эрвина Бауэра или другое, гораздо более известное имя — Конрада Уоддингтона.

Бауэр проповедовал идею, что жизнь, работа живых существ происходят за счет неравновесия. Живые существа находятся в состоянии устойчивого неравновесия. Это определенный ответ на вопрос, почему живые существа такие, а не другие. Они такие, поскольку их органы, клетки и т. д. реализуют принцип устойчивого неравновесия.

Но все-таки остается вопрос, которым Бауэр, кажется, не задавался: почему существует жизнь, которая реализует принцип устойчивого неравновесия? Уоддингтон же этот вопрос ставил эксплицитно. Он спрашивал, например, мыслимо ли существование биологической топологии, которая могла бы объяснить, почему существуют большие классы животных с двумя, тремя или четырьмя парами конечностей или же неопределенным их числом, как у многоножек, но неизвестно ни одной крупной группы животных с шестью или семью парами конечностей?

Дальше он рассуждает, что лучевая асимметрия бывает трехлучевая, пятилучевая, но не бывает семилучевой. Почему?

Уоддингтон сподвиг известного математика Рене Тома, который написал на эту тему книгу, переведенную на русский язык, малопонятную настолько, что сам Уоддингтон в предисловии к этой книге сказал, что он мало что понимает из того, что там написано. Тем не менее такой ход, в котором ставится вопрос, почему живые существа устроены таким образом, очень продуктивен. И то, что он продуктивен, видно на примере самого Уоддингтона, который фактически на кончике пера ввел понятие эпигенетики, которая сегодня находится на вершине популярности и является предметом абсолютно конкретных исследований.

Каким же образом можно подойти к этой проблематике? Как объяснить, почему человек устроен таким образом, а не другим? В принципе, конечно, ответить на этот вопрос очень сложно, поскольку как в биологии мы не

имеем другой разумной жизни, так и в психологии мы не имеем других разумных существ. Если бы мы были психологами из некой распространенной по всему Космосу цивилизации, которая бы знала, что в Альфа-центавре, например, живут другие разумные существа, которые обладают такими-то и такими-то свойствами и такими-то и такими-то эмоциональными процессами, мы могли бы всерьез обсуждать, а почему их психические процессы, свойства или состояния, скажем, эмоции, бывают такими-то и такими-то, а не бывают другими. Поскольку мы этого не имеем, а имеем только одну жизнь и одно разумное существо, один вид разумного существа — человека, то мы эти вопросы можем ставить только в теоретической плоскости и, к сожалению, не можем переводить их в плоскость эмпирического изучения.

Однако именно этот теоретический подход и может дать основу для рефлексивного синтеза психологического знания по принципу «сверху вниз», поскольку он позволяет дедуцировать локальные модели из общих принципов организации.

Роль организации научного сообщества

Как бы ни казался теоретически привлекательным синтез в направлении «сверху вниз», реальное психологическое исследование в подавляющем большинстве состоит в производстве и проверке локальных моделей, дополненных отдельными попытками синтеза «снизу вверх». Современная психология, особенно западная, сделала однозначный выбор в пользу операционализируемых понятий как базовых, от которых единственно только и может отталкиваться научная психология. Целостный образ человека не очень заботит профессиональных психологов.

Почему же психологическое сообщество готово платить высокую цену за соответствие моделей экспериментальным данным? Смысл этого выбора вполне понятен и серьезен, и он лежит в плоскости принципов организации научного сообщества. Научное сообщество обладает функцией поощрять одни действия ученых и наказывать за другие. В том числе оно может

поощрять или наказывать за определенные виды экспериментирования и теоретизирования.

Работа с локальными моделями, привязанными к эксперименту, сообщает науке характер конвейера и формирует ощущение поступательного движения. Экспериментоцентрическая система понятий позволяет оформить научную деятельность в виде выдвижения и проверки различных предсказаний, вытекающих из моделей. Научная работа оказывается четко очерченной и благодарной: одни исследователи выдвигают модели и разрабатывают экспериментальные ситуации, где применение этих моделей дает адекватное предсказание, другие имеют возможность высказывать сомнение относительно этих моделей и подтверждать свои сомнения в иных экспериментальных ситуациях. Все научное сообщество, таким образом, оказывается взаимосвязанным, создается контроль и обратные связи; в оценке, насколько это возможно, максимизируется объективный фактор – наука приобретает характер хорошо организованного предприятия.

Собственно в превращении психологии в хорошо организованное предприятие и заключался смысл проведенной в США бихевиористской революции. Отбрасывание данных интроспекции – только лежащее на поверхности следствие этой более глубокой тенденции. Интроспекция отбрасывалась бихевиористами не по соображениям определенного решения проблемы соотношения души и тела, непосредственно наблюдаемых нами в себе душевных проявлений и психофизиологических механизмов, а потому, что данные самонаблюдения плохо поддаются конвейерной переработке в режиме индустриального разделения труда.

Начиная с бихевиористской революции идеал точной эмпирической «конвейерной» психологии не очень быстро, но неотвратимо захватил почти всю науку. Вначале ему противостояли неанглоязычные европейские традиции, в первую очередь, в стране – родине и лидера первых десятилетий экспериментальной психологии – Германии. Однако события 1933 г., когда свои посты покинула 1/3 профессоров психологии, а затем послевоенная

чистка в отношении тех, кто запятнал себя связями с нацистами, прошли катком по немецкой психологии, которая во второй половине XX в. сильно сдвинулась в сторону американской. Более традиционный европейский облик еще сохраняет психология латиноязычных стран (Франции, Швейцарии, Италии, Испании и т.д.), однако и она постепенно преобразуется под влиянием численного и идейного превосходства мирового «мейнстрима» (Ушаков, 1995).

Это победное движение американского подхода в психологии образовано сложным переплетением факторов от чисто научных до геополитических. Геополитическая победа англо-американской науки над немецкой в период 1933–1945 гг. – это, хотя и существенный, но один из аспектов, скорее сопутствующий фактор, а не причина.

Важно оценить, в чем состояла более теоретичная альтернатива, предлагавшаяся американскому подходу европейской наукой. Эта альтернатива заключалась в построении целостных образов человека, но с помощью достаточно случайных средств. К чему реализация этой альтернативы приводила на практике, хорошо описано в «Историческом смысле психологического кризиса» Л.С. Выготским. Психологическая идея, согласно его анализу, формируется на основе «фактического открытия более или менее крупного значения», затем «растягивается на более обширный материал», трансформируя понятийный строй научной отрасли, доходя в конце концов до мировоззренческого значения и выявляя свой первоначально скрытый идеологический заряд (Выготский, 1982, с. 302–305). Столь широкие объяснительные подходы, как, например, принцип поля, не являются по сегодняшним меркам, построенным по американским стандартам организации психологии, достаточно точными для объяснения конкретных экспериментальных данных. Поэтому ныне в ходу более локальные и за счет этого точные модели.

Общие принципы не могут объяснить результатов эмпирических исследований психологов, они их лишь иллюстрируют. Возьмем, например,

классические эксперименты В. Келера на приматах. В них не ставится таких гипотез, о подтверждении или опровержении которых можно было бы однозначно заключить по поведению животного. Рассуждения Келера при этом не имеют столь конкретного характера, чтобы на их основе можно было бы точно прогнозировать что-либо в поведении испытуемых, но вместо этого они довольно расплывчато описывают некие размытые контуры возможных механизмов.

Такого рода теоретизирование допускает, что другой ученый на основании своих исследований создаст другое столь же приблизительное описание, которое и противопоставит первому. Тогда теории будут строиться рядом друг с другом, подобно музыкальным или литературным произведениям. Способ построения целостного образа путем раздувания конкретного эмпирического открытия до всеобщего принципа, безусловно, малоперспективен. Он может привести к успеху только в случае чудесной удачи. Но поскольку чуда не происходило, глобальный образ человека оказывался построенным на непрочной основе. В том плане для характеристики психологии периода до середины 1930-х годов, когда она строилась на европейской основе, был применен образ Приама на развалинах Трои – царя, разрушенного города, жители которого перебиты врагами или увезены в плен. Это фактически образ науки, построенной на недостаточно прочной основе и легко уничтожаемой путем последовательной критики. В этом смысле альтернатива эмпирического конвейера обещает лучшие перспективы. Движение снизу вверх на каждом шагу имеет серьезное обоснование, и накопленные факты уже не могут быть уничтожены, подобно Трое.

Таким образом, конвейерная наука победила довольно слабого соперника, который не мог противопоставить ей действительно серьезных достижений в деле создания прочно обоснованного целостного образа человека.

Другим фактором победы американской модели является принятие естественной науки как образца, что не учитывает, как обсуждалось в начале

статьи, особенностей сложного объекта психологической науки. В то же время оценка со стороны научного сообщества в целом представителей других дисциплин является важным моментом для психологического сообщества. А в естественных науках связь теории, эксперимента и практики построена по-другому.

Кроме того, конвейерная модель науки хорошо вписывается в социальную организацию на основе меритократии, где должны существовать четкие, трезвые критерии заслуг в разных сферах жизни, в том числе в науке. Такой четкий критерий, предлагаемый конвейерным подходом, – создание проверяемых моделей.

В то же время конвейерный тип науки обнаруживает большую гибкость, способность использовать различные объяснительные схемы, далеко выходящие за пределы исходных антименталистских установок бихевиоризма. Интересен в этом плане феномен когнитивизма, который перенял эстафету у бихевиоризма в качестве основного носителя американской психологической парадигмы. Когнитивизм, с одной стороны, продолжил бихевиористскую линию чистоты эксперимента, а с другой стороны, на основе компьютерной метафоры ввел новые правила организации понятий, в том числе реставрировав апелляцию к менталистским структурам. Компьютерная метафора оказалась тем инструментом, который позволил развить более сложный и гибкий способ создания операционализируемых понятий, на основании чего уже возможно возрождение менталистских моделей. Таким образом, в появлении когнитивизма вслед за бихевиоризмом можно усмотреть определенную эффективность движения «снизу вверх», хотя и достигнутую в результате очень длительных усилий.

В исследовании всегда присутствует тот или иной вид редуционизма, который, однако, расценивается как допустимый или недопустимый.

Критерии допустимого масштаба редуционизма формируются внутри научного сообщества. Редуционизм допускается как расплата за достижение

чего-то более существенного. Например, возможность точного математического моделирования является тем бонусом, который в принципе при некоторых условиях может оправдать редукционизм принимаемых идеализаций.

Вопрос всегда стоит о том, насколько цена оправданна. Например, возможность предсказания траектории снаряда или ракеты является оправданием использованных идеализаций.

В случае психологии бонус на стороне локальных моделей – возможность объяснения экспериментальных данных. Однако платить за это приходится высокую цену.

Теоретическое пространство в психологии сужено по сравнению, например, с пространством в физике, где его респектабельность определяется математизацией. Тенденцией последних лет в психологии тоже является математизация, однако она значительно более хрупка, поскольку в основе моделей лежит поведение значительно более гипотетических элементов, чем в физике. Более того, в психологии в противоположность физике математизация и развитие теории не воспринимаются как связанные, а порой и оказываются противоположно направленными процессами: математизация происходит в отношении локальных явлений, а теоретизирование, напротив, стремится к глобализации. В результате свертывания теоретического поля работа психолога оказывается тесно связанной с экспериментом.

С точки зрения отдельного ученого, организация науки выступает положительным подкреплением одних видов поведения и отрицательным – других. Например, когда психологи изучают структуру интеллекта или феномен сдвига риска, ежегодно они выдают многочисленные публикации, в которых сообщается о проведенных исследованиях, которые подтвердили одни и не подтвердили другие модели. Это обстоятельство дает основание заключить, что работа действительно ведется и делается это людьми квалифицированными, т.е. умеющими соблюдать все правила, принятые в научном сообществе. В наши дни мало кто может позволить себе работать

над одной книгой одиннадцать лет, не выдавая в это время никаких результатов, как И. Кант при написании «Критики чистого разума». А именно такого рода работа и могла бы потребоваться сегодня для продвижения в области теорий второго уровня.

Место российской психологии

Западная психология сделала однозначный выбор в пользу операционализируемых понятий как базовых, от которых единственно только и может отталкиваться научная психология. Отечественная психология по причине своей относительной замкнутости в советский период прошла мимо «конвейерной революции» и сохранила интерес к целостному образу человека. Более того, работе с этим образом в рамках рубрики «Методология психологии» было отведено некоторое почетное, даже элитное место (см.: Методология комплексного ..., 2008; Психология человека ..., 2009; и др.).

Традиционная советская психология в связи с описанными выше особенностями социального заказа находилась в прямо противоположном положении. Идеологические соображения, создание определенного целостного образа человека в мире было неизмеримо важнее, чем достижение рабочей обстановки на научном конвейере. Отсюда движение «сверху вниз» от целостного (естественно – марксистского) видения проблемы человека было важнее, воспринималось как более престижное (если угодно – как привилегия и в то же время долг психологического начальства) по сравнению с движением вверх от эмпирии. В результате традиции нашей психологии существенно богаче, чем западной, в отношении холистических понятий (см.: Развитие психологии в системе ..., 2012; и др.). Именно ход мысли «сверху вниз» отличает в том числе и наиболее глубокие эмпирические отечественные работы.

Однако когда «железный занавес» пал, советская психология предстала перед западными коллегами в достаточно беспомощном виде. Они подошли к нам с интересом и настороженным вниманием, однако по приоритетным для них

вопросам мы не смогли в то время сказать ничего существенного, а наши вопросы их не заинтересовали.

Так, Р. Солсо, не самый, впрочем, крупный представитель американского когнитивизма, написал, что в российской психологии он нашел то же, что и Ч. Дарвин на Галапагоссах: в условиях изоляции развились прихотливые и чудовищные виды.

Приходилось, правда, слышать и позицию авторитетного немецкого психолога профессора Густава Линерта, который, задавая вопрос, откуда придет новая парадигма психологии, сам и отвечал: не из США, откуда пришла старая, она придет из России. Однако это мнение – экзотика, причем оно не относилось к уже сделанному, а представляло прогноз, ожидание будущего.

Откуда же холодность наших западных коллег к теоретическим изысканиям советской психологии? Дело заключается в принципиальной разнице понятийного строя российской и западной психологии и в том, что образы человека, разработанные отечественной психологией, не были подкреплены той аргументацией, которая была бы способна убедить зарубежных психологов. Обоснованный таким образом ход мысли «сверху вниз» не оказался всерьез интересным для коллег с Запада. В их традиции по вполне рациональным основаниям перспективность исследования оценивается по возможности порождения на его основе экспериментальных исследований и описывающих их текстов. Сам по себе теоретический ход мысли, пусть даже и работающий на создание целостного образа человека, не является продуктом, способным вызвать резонанс при конвейерной организации науки. Он может оказаться лично интересным для кого-то из западных профессоров, стать предметом размышления на досуге у камина, но это не тот жанр, который способен сегодня спровоцировать поток работ, а следовательно, привести к высоким показателям цитирования.

Менее жесткие по сравнению с западными критерии оценки работ являются, с одной стороны, проявлением нашей расхлябанности и допускают прорыв

низкокачественной научной продукции, но, с другой стороны, они же открывают и больший простор для появления действительно нового (Александров, 2005). Возможно, особенности отечественной психологии могут помочь ей получить преимущества того хромого верблюда, который при повороте оказывается впереди каравана.

Литература

Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 7. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Александров Ю.И. О «затухающих» парадигмах, телеологии, «каузализме» и особенностях отечественной науки // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 155–158.

Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Выготский Л.С. Собр. Соч. В 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982.

Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. № 3. С. 5–16.

Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Теория и практика: взгляды с разных сторон // Психологический журнал. 2012а. № 2. С. 127–132.

Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Теоретико-экспериментальная психология и практика: встречный курс // Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А.Л. Журавлева, А.И. Ляшенко, В.Е. Иноземцевой, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 9–71.

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука. 1980.

Междисциплинарные исследования памяти. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Московиси С. Общество и теория в социальной психологии // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1984. С. 208–228.

Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / Отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Пиаже Ж. Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Т. 1. М.: Прогресс. 1966. С. 157–194.

Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука. 1983.

Пономарев Я.А. Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии / Ред.-сост. А.Л. Журавлев, Т.В. Галкина. М.: ООО «ТНД «АРИС», 2010.

Пруст М. В поисках утраченного времени: По направлению к Свану. М.: «Крусс», 1992.

Принцип развития в современной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Прогресс психологии: критерии и признаки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Психология человека в современном мире. Том 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции. Часть 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Современная экспериментальная психология. Том 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А.Л. Журавлева, Д.В. Ушакова, М.А. Холодной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Ушаков Д.В. Проблемы и надежды франкоязычной когнитивной психологии // Иностранная психология. 1995. № 5. С. 5–8.

Ушаков Д.В. Системность в психологии интеллекта – теория, подход, методология // Идея системности в современной психологии / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 236–261.

Ушаков Д.В. Теоретическая психология и принцип универсального эволюционизма // Вестник СПбГУ. Серия 16 «Психология. Педагогика». 2016. Вып. 1. С. 25–34.

Юревич А.В. Три источника и три составные части психологического знания // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 3. С. 3–18.